

ЗАПАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

УДК 1 (091)

МОРАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В НАСЛЕДИИ Х. АРЕНДТ

Е.Е. Михайлова, А.А. Золотов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Проанализированы воззрения Х. Арндт на природу, типологию и смысловую значимость моральной и политической ответственности. Показано, что ответы на фундаментальные вопросы, касающиеся природы зла и совершения морального выбора, Арндт предпочитает искать в наследии Сократа и Канта. По мысли Арндт, ответственность есть обязательность и она проявляется на пересечении частной и публичной сфер жизни человека. Моральная (личностная) ответственность есть признание достоинства «себя» и «другого». Политическая (общественная) ответственность есть в первую очередь стремление к восстановлению и поддержанию справедливости. В заключение сделан вывод о том, что гуманистический посыл Арндт созвучен современности: вопросы морали и политики имеют разную природу, но они всегда обращены к личности, а не к системе или организации в целом.

Ключевые слова: Х. Арндт, мораль, право, политика, публичное пространство, личная ответственность, коллективная ответственность.

В философском наследии Х. Арндт базовым принципом политической жизни является категория ответственности. Ответственность рассматривается ею на пересечении двух сфер жизни человека – личной (моральной) и общественной (политической). Осмысление понятия ответственности имеет давнюю историю. Признавая это, Арндт тщательно продумывает все подходы к пониманию правильного совершения морального выбора. В одной из своих последних работ «Некоторые вопросы моральной философии» (1966) она обращается к посланиям Павла из Тарса, учению Иисуса из Назарета, наследию античных философов, теодицее христианских философов, этике Канта и нигилистической морали Ницше.

При всем многообразии изученного материала видны явные предпочтения Арндт: ответы на фундаментальные вопросы, касающиеся природы зла и совершения морального выбора, она ищет в беседах Сократа и в философии долженствования Канта.

В рассуждениях Арндт, Сократ верит в изреченный мир, в изреченную добродетель, поскольку «мысль и изреченное утверждение есть одно и то же, за исключением того, что мысль – это диалог, который ум

беззвучно ведет с самим собой, а мнение есть окончание этого диалога» [1, с. 135]. Мышление есть деятельность. Мыслить, с точки зрения Сократа, означает вести диалог. Сократ не способен убедить или дать ответы на поставленные вопросы, полагает Арендт, зато он учит, *как мыслить и как говорить с самим собой* [1, с. 127, 147]. Тем самым из наследия Сократа Арендт извлекает важное для нее разграничение между суждением и моралью. Мыслительный процесс актуализирует речь человека и конституирует его как личность; мораль же затрагивает человека в его единичности, в его самости. Для полноты самости, согласно Сократу, лучше несправедливо страдать, чем несправедливо поступать. Арендт называет это «генеральной формулой» сократовской этики. И эта формула базируется на догадке о том, что целостность человека предполагает согласие с самим собой. Если возникает опасность разногласия, то лучше быть в разногласии со всем миром, главное – не с самим собой [1, с. 146].

В русле рассуждений Сократа Арендт говорит, что ответ на вопрос о том, как отличить плохое от хорошего, лежит не в обычаях и привычках, свойственных людям определенного сообщества; ответ на этот вопрос не зависит от божественных заповедей или от человеческих регуляторов поведения. Ответ лежит в самом человеке и зависит от того, насколько он способен определиться относительно самого себя. Принимая такую позицию, Арендт пишет: «Другими словами, я не могу делать определенных вещей, поскольку, сделав их, не смогу больше с собой жить. Такая жизнь-с-собой есть нечто большее, чем сознание, чем осознание самого себя, которое сопутствует мне, что бы я ни делал и в каком бы состоянии ни пребывал» [1, с. 142–143].

Если из дискурсивного наследия Сократа Арендт извлекает важность видения моральной ответственности с точки зрения «самости», то в философии долженствования Канта её привлекает понимание ответственности как проявления обязательности. «Обязательность – это необходимость свободного поступка, подчиненного категорическому императиву разума», – рассуждает Кант в «Метафизике нравов» [5, с. 242]. Категорический императив Канта, выражая обязательность в отношении определенных поступков, содержит в себе не только практическую необходимость, но и долю принуждения в его позволяющем или принуждающем виде. «Действием становится поступок в том случае, если он подчинен законам обязательности и, следовательно, если субъект рассматривается в этой обязательности в соответствии со свободой его произволения» [5, с. 245].

Следуя духу моральной философии Канта, Арендт подразделяет ответственность на внешнюю (легитимную) и внутреннюю (должную). Она сравнивает нравственный императив Канта с «компасом», имея который, любой человек, в силу разумного строения своего ума, легко разберется, что хорошо и что плохо. И приводит цитату из сочинения

Канта: «Действительно, знание того, что каждому человеку надлежит делать и, стало быть, уметь, – это доступно каждому, даже самому обыкновенному, человеку [1, с. 98]. Если Сократ верит в добродетель «изреченного мира», то Кант верит в силу «морального закона» и представляет этот закон как знание, доступное каждому человеку.

В логике рассуждений Сократа и Канта Арендт находит общую позицию: моральное знание предшествует моральному поведению. От чувства унижения человека спасает собеседник – «невидимая самость». Эту мысль Арендт извлекает из платоновских диалогов. «Я, единое целое» – ключевое понятие самости. «Эта самость – вовсе не иллюзия, она делает себя слышимой, когда говорит со мной, – и в этом смысле, хотя я и един, я – двое в одном, и со своей самостью можно пребывать как в гармонии, так и в дисгармонии. Если я не согласен с другими людьми, то могу уйти; но я не могу уйти от себя, поэтому, прежде чем обращать взор на других, мне лучше быть в согласии с самим собой», – расшифровывает слова Сократа Арендт [1, с. 133]. В подобных рассуждениях, на взгляд Арендт, Кант идет дальше античных философов, выводя суждения о правильном или неправильном поведении человека из сферы морали в сферу эстетики, в сферу вкуса. Да, говорит Кант, мы действуем как существа, наделенные разумом, но при этом мы должны учитывать последствия нашего поступка. Поэтому сократическая формула о том, что лучше быть в разногласии со всем миром, чем с собой, в кантовской трактовке отчасти теряет свою значимость. «Чтобы рассматривать мораль не только в ее негативном срезе – как воздержание от неправильных поступков, которое может означать воздержание от каких бы то ни было поступков, – нужно рассматривать человеческое поведение сквозь призму категорий, которые Кант считал подходящими только для эстетического поведения, если можно так выразиться», – резюмирует Арендт [1, с. 200]. Она считает справедливым тот факт, что Кант рассматривал людей в их множественности, в их сообществе. Эгоистические суждения человека Кант противопоставлял плюрализму мнений, т. к. «человек рассматривает и ведет себя не как охватывающий своей самостью весь мир, а как гражданин мира» [1, с. 200].

Переходя от поиска истоков складывания фундаментальных вопросов морали к анализу современности, Арендт ставит под сомнение способность традиционных нравственных истин выступать в качестве критериев суждения о том, что мы должны делать, чтобы отличать плохое от хорошего. Такое сомнение было вызвано ее реакцией на общественные события послевоенной Германии, в частности на громкие судебные дела, вскрывающие пласты нацистских преступлений. Судебная система этого времени показала свою мощь, фокусируя внимание не на «коллективной вине» с ее формулой «если виноваты все, то не виноват никто», а на отдельной личности. Перед судом, по сути, предстал не человек, считающий себя винтиком в огромном и хорошо отлаженном

бюрократическом государственном механизме, и не человек, считающий себя жертвой изменчивой силы обстоятельств. Впервые в залах суда зазвучала тема личной ответственности человека, предполагающая поиск ответа на вопрос: «Почему подсудимый стал функциональной единицей этой организации?» [1, с. 93].

На взгляд Арендт, Германия испытала моральный крах дважды. Первый раз в 1930–1940-е гг., когда тоталитарный режим обрушил все традиционные нормы и эталоны морали [1, с. 87]. Второй раз – в последующие два десятилетия после мировой войны, когда вместе с преступниками, перешагнувшими через все моральные категории и разрушившими все нормы права, на авансцене судебного публичного пространства появились «обычные люди», у которых за годы тоталитарного режима «рассыпалась» мораль [1, с. 89]. Нацистское прошлое, по убеждению Арендт, экзистенциально есть «нечто такое, чему никогда не следовало бы случаться, поскольку за это нельзя ни наказать, ни простить» [1, с. 90]. При этом она понимает, что с позиции исторической памяти любое прошлое должно быть «усвоенным». Она признается, что трудно свыкнуться с таким прошлым, но мириться с ним все же надо: с плохим прошлым – чтобы преодолеть его, с хорошим прошлым – чтобы не позволить себе отказаться от него. Судебные процессы над нацистами вскрыли новый феномен: заговорили о вине тех, кто хранил молчание. По сути, судебная процедура, призванная защищать правовые нормы, спровоцировала обсуждение в публичном пространстве сугубо моральных вопросов. Очевидно, когда судят преступников, получивших при нацистской системе возможность безнаказанно делать то, о чем они всегда мечтали, – такие вопросы решаются в сфере права. Когда же судят обычных людей, которые делали то, что им приказывали, – здесь уже вступают в силу вопросы морали. Арендт волнует моральный выбор именно этих подсудимых, чья вина не попадает ни под какую категорию преступников, но кто, на ее взгляд, «внес свою лепту в дела режима, когда, имея возможность высказаться, хранил молчание или был лоялен к происходящему» [1, с. 94].

Моральная ответственность рассматривается Арендт в первую очередь как самооценка за принятые и содеянные деяния. Ею выделяются основные линии ответственности: личная/коллективная и моральная/политическая. При этом в рассуждениях Арендт наблюдается и перекрестная референция. Личную ответственность Арендт прямо противопоставляет политической. Личную ответственность человек несет исключительно за себя, за свои поступки и действия. Политическую ответственность человек несет за все деяния, которые совершались до него. В силу своей включенности в исторический континуум каждый правитель, равно как и каждое поколение людей, в замыслах Арендт, одновременно испытывает два противоположных состояния: гордость за свершения предков и вину за грехи отцов. Арендт улавливает парадокс

сальность ощущения личной вины за грехи, которые люди не совершали. Понимая это, она говорит о личной ответственности не в прямом, а метафорическом смысле: «С точки зрения морали чувствовать вину, не совершив ничего конкретного, столь же неправильно, как и не чувствовать вины за действительно содеянное» [1, с. 59].

Коллективная ответственность, в рассуждениях Арендт, возникает тогда, когда правовые и моральные суждения вызывают противоречивую политическую трактовку и выливаются в формулу «двойных стандартов». В статье «Коллективная ответственность» (1968) Арендт делится своими переживаниями по поводу распространенной практики отождествления коллективной и опосредованной ответственности, т. е. «когда член сообщества считается ответственным за вещи, в которых он не участвовал, но которые делались от его имени» [1, с. 213]. По наблюдениям Арендт, это случается в разных политических режимах. В условиях тоталитарной системы население открыто не допускается в публичное пространство, а от его имени говорят руководители партии. При демократии такая ситуация более завуалирована: определенные группы граждан не желают участвовать в политике и их «неучастие» можно рассматривать как фактическую форму сопротивления [1, с. 213–214]. Такое сопротивление часто обосновывают только с позиции морали. Но в свободном обществе, считает Арендт, есть надежда на то, что сопротивление в форме отказа от участия, может повлечь за собой изменения и в проводимой политике. Следовательно, подобное действие уже считается политическим.

Исходя из таких рассуждений, Арендт приходит к выводу, что политическая ответственность срастается с моральной, так как политическое пространство возможно везде, где люди находятся вместе в процессе речи и действия. Опыт изучения полисной организации Античности свидетельствует о трех важных выводах, которые следует, на взгляд Арендт, усвоить из прошлого: 1) власть вырастает из совместного публичного пространства; 2) власть должна быть основана на здравом смысле; 3) не существует абсолютных властных возможностей.

Первый урок, который извлекает Арендт из изучения античного наследия, сводится к тому, что полисная организация не была в глазах граждан всего лишь городом-государством с определенным местоположением, а являла собою определенное единство совместно действующих людей в едином времени и пространстве. Объединение их единой целью делает полис простирающимся за рамки определенного географического местоположения и возвышающимся над неумолимым потоком времени [8, р. 198]. Власть вырастает из совместного публичного пространства, действия и речи. Эти суждения Арендт не перестает повторять во всех своих сочинениях.

Второй урок, вытекающий из античного наследия, согласно Арендт, позволяет рассматривать власть как явление, вызревающее в

пространстве совместного действия на основании права и здравого смысла. В моральной и политической ответственности Арендт фиксирует разные акценты. Моральная ответственность связана с решением вопросов о том, что хорошо, что плохо, политическая ответственность связана с вопросами о справедливом устройстве сообщества и его правительстве, о поддержке законов, о сплоченности действий людей в данном сообществе [1, с. 162]. «Единственным мерилom реальности мира является его общность для всех нас, и здравый смысл занимает такое высокое положение в иерархии политических качеств, потому что это единственное чувство, которое связывает в единую реальность все наши пять строго индивидуализированных чувств и строго обособленные данные, постигаемые ими» [8, р. 208]. Здравый смысл, которому Арендт уделила особое внимание в работе «The Human Condition» (1958), рисуется ею как неперемное условие становления пространства явления, политической реальности и феномена власти.

«Власть, – говорит Арендт, – сохраняет публичную сферу и пространство явления, как таковая она является жизнетворной кровью человеческой изобретательности, которая, если бы она не являлась сценой действия и речи, сети человеческих дел, отношений и порожденных ими историй, страдала бы отсутствием своего высшего основания» [8, р. 204]. Такой подход к феномену власти нашел свое дальнейшее развитие в эссе «О насилии» и ряде других работ Арендт. Власть есть результат человеческого действия, она способна осуществлять свою волю, оказывать определяющее воздействие на жизнь людей с помощью авторитета, права или насилия. Власть есть феномен культуры, поскольку ее источником являются действия свободных индивидов, осуществляющих свой политический выбор [4].

Власть, авторитет, насилие – понятия, которые показывают способности, какими люди правят другими людьми. Арендт выявляет, проясняя их содержание, то, каким образом складывается пространство политического действия. Тема соотношения власти и насилия волнует Арендт, частое отождествление которых она относит к числу «элементарных ошибок не только политической теории, но и политической практики» [1, с. 37]. Современное понимание власти таково, что власть надо рассматривать исключительно в ненасильственном действии. Власть, по Арендт, соответствует человеческой способности не только действовать, а действовать в согласии с другими людьми. Власть – это прежде всего согласование интересов. «Власть соответствует человеческой способности не просто действовать, а действовать согласованно. Власть никогда не является собственностью индивида; она принадлежит группе и существует так долго, как существует группа», – пишет Арендт [9, р. 143]. По этой причине власть должна санкционироваться силой авторитета, обладать поддержкой данного сообщества. Свободные творцы по-

литической реальности путем волеизъявления создают и поддерживают власть, и потому она не тождественна насилию.

Третий урок, который дает нам опыт полисной демократии, по мысли Арендт, заставляет усомниться в наличии абсолютных властных возможностей правителя. Теоретик уверена, что любой, даже самый сильный властитель, черпает свои возможности в публичном пространстве и нуждается в общественной поддержке. Потеря авторитета всегда фатальна для любого носителя власти и не может быть компенсирована насилием.

Власть – сущность всех форм правления, насилие – одно из проявлений власти. Насилие отлично своим инструментальным характером. Оно близко силе, ибо орудия насилия, как все другие инструменты, разработаны и используются для увеличения природной силы. Насилие всегда нуждается в руководстве и оправдании цели, которую оно преследует. Насилие появляется там, где власть в опасности. Будучи инструментальным по своей природе, насилие рационально до тех пор, пока эффективно в достижении цели, которая должна оправдывать его. Насилие может оставаться рациональным, если оно преследует краткосрочные цели: в начале оно оправдано с точки зрения властных задач, а в финальной инстанции обосновывается высшими моральными соображениями. «Насилие может всегда уничтожить власть; из барабана пистолета раздается наиболее эффективная команда, результатом которой является мгновенное и совершенное повиновение. Но из него никогда не вырастает власть» [9, р. 152]. Любое ослабление власти есть открытое «приглашение» к насилию. Подлинная сила власти, считает Арендт, заключается не в ненасильственном действии, а в следовании здравому смыслу и в коллективной ответственности [1, с. 37].

Новое время, согласно Арендт, отмечено пагубной тенденцией забвения подлинных целей политического действия, его инструментализацией и превращением в средство достижения чуждых ему целей. Современная же эпоха, по сути, провозгласила бесполезность действия и речи, а следовательно, и чисто политической сферы в ее толковании Арендт. В попытке убежать от случайности и моральной ответственности многие наши современники ратуют за предсказуемую и инструментализованную политику. Однако инструментализация политики извращает, по Арендт, ее естественное предназначение быть публичным пространством, в котором каждый имеет право голоса.

Политическая ответственность, по мнению Арендт, выражается в том, что люди, наделенные властью, не могут оставить человека без обещания решать его проблемы, а значит, не могут оставить человека без веры и надежды. Вопрос об автономии неинструментально ориентированной политики и морали, поставленный Арендт, остается одним из основных и в трудах последующих теоретиков. В известном смысле можно констатировать, что в моральной ответственности Арендт черпа-

ет аргументы против инструментализации политики, но одновременно не хочет и боится поглощения сферы свободного политического действия нормами нравственно должного. Проблема введения морального измерения в свободное политическое действие никогда не уходит из поля ее анализа. Арендт считает очевидным, что с точки зрения политики вопросы морали всегда представляют собой пограничные вопросы [1, с. 152].

Понимание политической ответственности как стремления к восстановлению и поддержанию справедливости, предложенное Арендт, выглядит, с точки зрения многих аналитиков ее творчества, отнюдь не бесспорным. Дело прежде всего в том, что выдвигаемое ею видение политики как некоторой самодостаточной сферы реализации человеческой свободы, рождающей феномен власти в коммуникативном взаимодействии индивидов, по сути дела, сужает сферу таковой, изолирует от иных областей общественной жизни, в частности экономической.

Концепция Арендт полемически заострена против классического понимания политики и власти М. Вебера. Вебер писал, что «политика», судя по всему, означает стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства между группами людей, которые оно в себя заключает [2, с. 646]. Вебер рассматривает коллективную ответственность [коллегиальную, в его терминологии. – *Авт.*] в двух плоскостях – солидарности и легитимности. С точки зрения проявления солидарности «в случае действия одного участника все остальные считаются так же, как и он сам, ответственными и так же, как и он сам, имеющими право на использование возможностей, приобретаемых в результате этого действия» [3, с. 104]. С точки зрения легитимного порядка, ответственность вытекает в связи с «законным» использованием каждым представителем социального объединения предполагаемых возможностей, особенно экономических, для своей пользы. Тем самым коллективная ответственность может проявляться двояко: в силу внутреннего согласия или в соответствии с правоприменительным устройством. Вебер усматривает важную составляющую коллективной ответственности – коллегиальное волеобразование, которое представляет собой выработанное решение, ставшее легитимным, «если оно появилось путем сочетания усилий нескольких лиц, либо по принципу единогласия, либо по принципу большинства» [3, с. 314].

Трактуя политику в инструментальном духе как отношение господства-подчинения, Вебер полагал ее неотрывной от легитимного насилия, санкционированного властью. При этом источник легитимности власти оказывается отнюдь не центральным фактором интерпретации политики. Своеобразным продолжением веберовской концепции стала теория дисциплинарного общества М. Фуко. Власть, по Фуко, присутствует как совокупность различных технологий во всех сегмен-

тах общественного целого. В недрах дисциплинарного общества, народившегося в Новое время, Фуко находил параллельные процессы нарастания мощи технологий власти и индивидуализации, открывающей новые права и свободы человека [10, р. 85]. Политика в широком ее понимании предстает, таким образом, по Фуко, в единстве целерациональных дисциплинарных технологий и возможностей свободного развития индивида.

Интерпретация политики – конституирующего ее действия – предложенная Арендт, имеет сегодня ярко выраженный коммуникативный пафос. Обнаружение ею политического, власти как итога коммуникативной деятельности обычно называется наиболее позитивным моментом ее построений. Так, например, П. Рикёр полагает весьма важным созданное ею видение власти как результирующего от желания людей совместно жить и действовать [7, с. 47]. Однако даже весьма симпатизирующие Арендт теоретики неомарксистской ориентации говорят о ее невнимании к инструментальной стороне политики и сужении ею данной сферы. Ю. Хабермас полагает, что подобная концепция политики «неприменима к современным отношениям» [11, р. 178]. С учетом современных реалий Хабермас пересматривает веберовскую концепцию о формальной рационализации социального развития и формулирует новое понимание социального действия, результирующего как практический дискурс, сориентированный на консенсус [6].

Действительно, современный подход к феномену политики требует соединения понимания власти, созданного Арендт, с инструменталистским ее пониманием. Единство трактовки власти как итога коммуникации политических субъектов и ее понимания как инструментальной силы, вторгающейся в многообразии собственных технологий во все сегменты общественного целого, важно для более глубокого постижения современных процессов [4].

В философии Арендт осуществлена попытка выявить взаимосвязь моральной и политической ответственности. Утверждая тезис о примате активной жизни по отношению к созерцательной, она видит именно в политической деятельности человека квинтэссенцию его способности совершать моральный выбор и нести за него ответственность. По мысли Арендт, ответственность есть обязательность, и она проявляется на пересечении частной и публичной сфер жизни человека. Моральная (личностная) ответственность есть признание достоинства «себя» и «другого». Политическая (общественная) ответственность есть в первую очередь стремление к восстановлению и поддержанию справедливого общественного устройства. Гуманистический посыл Арендт созвучен современности: вопросы морали и политики имеют разную природу, но они всегда обращены к личности, а не только к системе или организации в целом.

Список литературы

1. Арендт Х. Ответственность и суждение: пер. с англ. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. 352 с.
2. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избр. произведения: пер с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 644–707.
3. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т.: пер. с нем. / ред. Л.Г. Ионина. М.: ИД ВШЭ, 2016. Т.1. Социология. 445 с.
4. Золотов А.А. Проблема взаимосвязи культуры и политики в философии Х. Арендт: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03. Тверь, 2000. 175 с.
5. Кант И. Введение в метафизику нравов // Кант И. Собр. соч.: в 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 6. 613 с.
6. Михайлова Е.Е., Бурухин С.С. Эффективность социального действия в философии Ю. Хабермаса // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер.: «Философия». 2016. № 4. С. 165–175.
7. Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика. М.: Academia, 1995. 160 с.
8. Arendt H. The Human Condition. Chicago: University of Chicago Press, 1989. 333 p.
9. Arendt H. On Violence // Crisis of the Republic. San Diego; N. Y., 1972. P. 240.
10. Foucault M. Politics. Philosophy. Culture. New York: Routledge, 1990.
11. Habermas J. Hannah Arendt: On the Concept of Power // Philosophical-Political Profiles: Essays in a Pragmatic Mode. Cambridge, 1986. P. 170–195.

MORAL AND POLITICAL RESPONSIBILITY IN THE HERITAGE OF H. ARENDT

E.E. Mikhailova, A.A. Zolotov

Tver State Technical University, Tver, Russia

H. Arendt's views on origins, typology, and semantic significance of moral and political responsibility are analyzed in the article. It is shown that Arendt prefers to search for the answers to fundamental questions regarding the nature of evil and moral choice in the legacy of Socrates and Kant. According to Arendt's opinion, responsibility is obligation, and it manifests itself at the intersection of private and public spheres of human life. Moral (personal) responsibility is the dignity recognition of "myself" and "the other." First of all, political (public) responsibility is the desire to restore and to maintain justice. In conclusion, the idea that Arendt's humanistic message is consonant with contemporary situation is emphasized: moral and political questions are of different nature, but they are always addressed to the individual, and not to the system or organization as a whole.

Keywords: *H. Arendt, morality, law, politics, public space, personal responsibility, collective responsibility.*

Об авторах:

МИХАЙЛОВА Елена Евгеньевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

ЗОЛОТОВ Алексей Алексеевич – кандидат философских наук, доцент кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: zlat76@yahoo.com

Author information:

MIKHAILOVA Elena Evgenievna – PhD, Prof., Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Zolotov Alexey Alexeyevich – PhD of Philosophy, Associate Professor of the Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: zlat76@yahoo.com